

УДК 94(47).072/073+279

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-37-47

СЕКТА МОЛОКАН В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ивлева Я. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Евпаторийский институт социальных наук
г. Евпатория, Российская Федерация
E-mail: bdktdf@inbox.ru*

На основе анализа архивных источников и литературы проведено комплексное исследование одной из старейших русских сект – секты молокан – в Таврической губернии. Изучено ее происхождение и этимология названия, приведены наиболее вероятные трактовки названия секты, раскрыто ее появление в Таврической губернии, описана деятельность лидеров и география распространения. Представлены основы вероучения в контексте разных течений и толков, раскрыто отношение к официальной власти Российской империи. Охарактеризован социально-правовой статус молокан на примере основных ограничительных мер, предпринимаемых в отношении молокан Таврической губернии, проанализирована политика правительства в отношении них, описаны основные занятия и быт. Рассмотрены миграционные процессы в сектантской среде, представлены статистические данные. Описаны причины и порядок переселения таврических молокан в Закавказье в середине XIX в.

Ключевые слова: секта, православие, молокане, Российская империя, Таврическая губерния.

В условиях сохранения традиционных духовных ценностей общества особую роль играет религия. Она в определенной мере позволяет преодолеть обесценивание общечеловеческих идеалов и культурных ориентиров, все чаще проявляющих себя в современном обществе. В свою очередь обращение к истории даст возможность учесть накопленный положительный опыт и сделать его применение более эффективным в современных условиях, поскольку религиозный фактор всегда имел сильное влияние на все сферы жизни общества.

Одной из примечательных страниц религиозной истории России является история православного сектантства. Существование сект православной направленности можно считать интересным явлением российской реальности. И сегодня потомки многих православных сектантов проживают на территории России. Особое место среди них занимают молокане.

Представители молоканской секты внесли весомый вклад в развитие Российской империи и, в частности, Таврической губернии. В XIX в. здесь была сформирована достаточно многочисленная община молокан, которая в значительной мере повлияла на общественно-политическое и экономическое развитие края. Однако, несмотря на это, многие вопросы истории секты остаются малоизученными, что актуализирует научный интерес к ней.

Кроме того, необходимо отметить и субъективное отношение исследователей к истории молокан, чему способствовала официальная идеология времен Российской империи и СССР, направленная на неприятие религиозного сектантства. Имперская власть нетерпимо относилась к любым проявлениям инакомыслия, считая его губительным для государства, а советское руководство негативно оценивало религию в целом. Только в современной исторической науке появилась возможность объективно изучить историю православных сект, в частности молокан, однако относительно Таврической губернии такого исследования пока не было проведено. Данный факт еще более актуализирует изучение опыта таврических молокан, что позволит раскрыть еще один важный этап конфессиональной истории Таврической губернии.

Молокане, наряду с духоборцами, представляют собой рационалистическое направление православного сектантства Российской империи. В истории данной секты существует много пробелов. Например, неясно, когда точно она возникла. Так, В. Д. Бонч-Бруевич считал, что секта вела свое начало от кальвиниста Тверитинова, жившего в Москве в 1713 г. [24, с. 293]. Ф. И. Федоренко отмечал, что молоканство выделилось из духоборчества в 1760–1770-х гг. [26, с. 64].

Позднее молокане расселились на значительные территории. Уже в первой половине XIX в. они жили в Таврической, Ставропольской, Тамбовской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Астраханской губерниях; а также в Сибири, Закавказье, Средней Азии и др. [24, с. 295].

Нет единства мнений и по поводу названия секты. Некоторые исследователи связывают название «молокане» с рекой Молочной в Мелитопольском уезде, куда их ссылали [19, с. 852], другие – с непризнанием православных постов и употреблением молока в пост [20, с. 79]. Существует мнение, что название возникло в связи с предпочтением молокан есть молочную пищу, поскольку она не могла быть приготовлена с использованием свинины, которую они не ели. И даже есть предположение, что название «молокане» происходит от слова «мало»: «мало кануло», «мало каяться», т.е. мало по сравнению с православными. По-видимому, прозвище «молокане» дали им православные. Сами же молокане примирились и приняли это прозвище, связав его с текстом Св. Писания в смысле трактовки их учения как «молока духовного» [25, с. 298].

Трудно сказать, какая из этих версий является верной, так как ни одна из них не подтверждена источниками. В частности, первая из рассмотренных версий не может быть принята, поскольку название «молокане», видимо, появилось раньше, чем представители этой секты поселились на Молочных водах. «Молоком духовным» свое учение называли не только молокане, но и представители других религиозных течений. Наиболее заслуживающей доверия представляется вторая теория, согласно которой молокане были названы так за употребление молока в пост, причем следует учесть тот факт, что по роду своей деятельности молокане всегда имели в хозяйстве молочные продукты.

Основателем молоканской секты считают бродячего портного из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Семена Матвеевича Уклеина. Уклеин

разъезжал по тамбовским селам, где встретил духоборческого лидера Побирохина и примкнул к нему. Через время Уклеин поссорился с Побирохиным и ушел, решив создать свою секту. Собрав новых адептов, Уклеин в окружении 70 «апостолов» торжественно, с пением псалмов вошел в Тамбов, где был арестован [26, с. 64]. «Апостолы» обратились в православие, а Уклеин был отдан на увещевание духовенству и, притворившись обращенным в православие, получил свободу. Выйдя из тюрьмы, он продолжил свою деятельность, но с большей осторожностью. Уклеин посетил Саратовскую, Астраханскую, Рязанскую, Самарскую, Тамбовскую, Воронежскую, Екатеринославскую губернии, земли Войска Донского и Кавказ [1, с. 148]. Знание Священного писания помогло ему привлечь многих людей. Проповедь его имела большой успех и увлекла за собою как духоборцев, так и православных крестьян. Пророка, проповедовавшего новую веру, ходили слушать толпами [25, с. 299]. Вскоре Уклеин организовал первую молоканскую общину.

Время появления молокан в Таврической губернии точно определить трудно. По свидетельству М. Родионова, они еще в 1805 г. начали селиться на Молочных водах вместе с духоборцами, а когда духоборцы были переселены за Кавказ, молокане остались в основанных ими селениях Мелитопольского уезда. Получив от правительства разрешение приобретать земли в собственность, молокане расселились в разные места, где жили среди православных [21, с. 259].

Видимо, в виду сходства этих сект молокане могли быть приняты за духоборцев и переселены вместе с ними на Молочные воды и, следовательно, оказались там раньше, чем им было официально позволено селиться на этих территориях.

Кроме того, правительство в целях изоляции сектантов иногда ссылало особо упорствующих молокан к духоборцам на Молочные воды. Так, в 1817 г. в Орловской губернии 32 человека приняло молоканскую веру, за что было подвергнуто увещеванию. Из них 14 мужчин и 7 женщин остались непреклонными и были переселены на Молочные воды [15, л. 2–3, 5].

История организованной молоканской общины Таврической губернии началась позже. По свидетельству А. Высотского, в 1821 г. власть отвела для поселения молокан в Таврической губернии в Мелитопольском уезде 29721 дес. земли [2, с. 23].

Тогда же было образовано первое молоканское селение в Таврической губернии. Первоначально оно состояло из 150 мужчин, прибывших добровольно из разных сел Тамбовской губернии, и около 20 местных жителей было поселено в молоканских селениях по судебным решениям [25, с. 302].

Переселение молокан в Таврическую губернию зачастую использовалось как мера борьбы с распространением ереси. Так, в 1820 г. император Александр I, реализуя стремление локализовать секту в одном месте, своим указом велел екатеринославским молоканам переселиться на Молочные воды [22, л. 1].

С той же целью удовлетворялись прошения сектантов, в частности молокан, о добровольном переселении в Таврическую губернию. Например, в 1822 г. молокане

Тамбовской губернии изъявили желание переселиться на Молочные воды, что им было разрешено [23, л. 219–220].

Переселение молокан разрешено было на льготных условиях, вследствие чего оно началось и продолжалось очень успешно. По свидетельству современников, при поселении каждая семья молокан получила под усадьбу 2 дес. земли, в надел по 5–6, 8–9 дес. [19, с. 739, 852].

Сектанты приезжали в основном из Тамбовской губернии, но также были выходцы из Екатеринославской, Орловской, Астраханской, Владимирской, земель войска Донского и др. Переселившиеся молокане на отведенных им участках земли основали три селения: Нововасильевку, Астраханку и Новоспасское. Земли для селения Нововасильевки были отведены в апреле 1822 г., для Новоспасского – в 1823 г. Хутор Шавкай был назван Новоспасским [4, л. 45 об.]. Учреждение Новоспасского относится к 1832 г. [8, л. 1].

Численно секта постоянно пополнялась за счет вновь прибывших. Так, например, известно, что летом 1821 г. из Тамбовской губернии в селение Верхние Сирогозы Днепропольского уезда прибыло на жительство 78 молокан [16, л. 1]. В 1824 г. в Мелитопольский уезд из той же Тамбовской губернии прибыло 9 мужчин-молокан, которые были поселены в Новоспасском [9, л. 4]. Летом 1827 г. из той же губернии были выселены оставшиеся непреклонными в своей ереси четыре молоканских семейства в числе 42 человек [17, л. 1–4]. Таким образом, переселение имело систематический характер.

На новом месте молокане быстро обустроились. По примеру мелитопольских духоборцев, они занимались отхожими промыслами, содержали небольшие шорные мастерские, мелкие заводы, обрабатывавшие местное сырье. Среди них были также крупные землевладельцы, скотоводы (наибольших успехов они достигли в овцеводстве), птицеводы и пчеловоды [24, с. 286].

Многое молокане, как и духоборцы, заимствовали у немецких поселенцев. Так, по свидетельству современников, первые сектанты строили свои дома по образцу колонистов-немцев: двор обносили стеной, на расстоянии 2-3 сажень от дома разбивали сад [19, с. 739].

Исследователи отмечают, что вскоре в молоканских общинах произошла имущественная дифференциация, выделились крупные собственники, владельцы стад тонкорунных овец и табунов лошадей, сотен десятин земли [20, с. 82]. Этот процесс, вместе с особенностями вероучения, сыграл важную роль в дроблении молоканства на разные толки.

Долгое время молокане из-за страха перед властями скрывали основы своего учения. Однако по мере публичных заявлений их о своей вере их вероучение стало известно. Так, молокане верили, что «Сын Божий и Дух Святой единосущны Отцу, но неравны Ему по Божеству. Сын Божий имел плоть не человеческую, но такую, какую имел архангел Рафаил... Эту плоть он принес с неба и вселился с нею в утробу Божией матери, и потому он, не имея плоти человеческой, не умирал. Основанная им церковь существовала только до IV в.: с IV в. вселенские соборы и учителя церкви произвольным толкованием Библии исказили учение Христово. И

потому истинную церковь составляют только истинно духовные христиане, неприемлющие ни преданий, ни постановлений соборных, ни писаний учителей церковных, а только то, чему учит Библия. Все, непринадлежащие общине истинно духовных христиан, осуждены будут на вечное мучение. Воскресение будет духовное, а не плотское...» [3, с. 418].

Молокане в своих воззрениях исходили из равенства людей, придерживались идеи построения Царства Божия на земле. Молоканство не так далеко, как духоборчество, зашло в отрицании самого института церкви, придав большое значение наставникам (пресвитерам). Для молокан эталоном религиозного строя служила христианская церковь и ее учение до эпохи вселенских соборов [18, с. 123].

Молокане отвергали православное учение о таинствах и обрядах, о поклонении иконам и др. Они считали, что таинства должны быть понимаемы духовно. По свидетельству Гермогена, у молокан Таврической губернии «крещение состоит в научении от слова Божия, в покаянии и отпущении грехов, а Слово Божие не видимо преподает человеку и духовное помазание; покаяние есть только сокрушение сердца и исповедь грехов перед единым Богом, причащение состоит в принятии учения Христова и в исполнении его заповедей; священство – не таинство; священники и не нужны: мы имеем одного только первосвященника...; могут быть лишь только пресвитеры – руководители в вере; брак – тоже не таинство, он должен зависеть только от благословения родительского; елеосвящение – молитвы за больного. Все обряды: крестное знамение, поклонение иконам и мощам, даже храмы – вымыслы человеческие, неустановленные Священным Писанием... Пост необходим для человека и заповедан Священным Писанием, но он должен состоять не в воздержании только от извращенного вида пищи, а в совершенном воздержании от всякой пищи, и быть не в определенные дни, а должен зависеть от свободной воли человека, который может поститься, когда ему угодно и когда он найдет нужным» [3, с. 418].

Таким образом, у молокан не было жесткой регламентации, что проявлялось и в правилах приема в секту. Так, по словам современников, «переход в молоканство не сопровождается никаким чиноприемом: от переходящего требуется только: не носить креста, не совершать крестного знамения, не почитать икон, не есть свиного мяса, раков, бесчешуйчатой рыбы, не стричь усов» [3, с. 418]. Кроме того, уход к ним из православного населения был всегда заметен благодаря их упрощенному учению, которое не требовало расходов. Присоединяясь к молоканам, православные не платили сборов за исполнение обрядов и треб. Они не должны были ходить к священнику для исповеди, крещения младенцев, свадеб или похорон [24, с. 295].

Общее моление (собрание) молокан проводилось в воскресные и праздничные дни, в домах наставников или рядовых сектантов, и состояло в чтении и пении определенных мест из Св. Писания. Старейший пресвитер садился в переднем углу и читал стих из Библии; слушавшие подхватывали и пели его [1, с. 264]. Любой из присутствующих мог толковать прочитанный текст [24, с. 295]. Также использовались молитвы, во время молений стоя кланялись до земли, а также в

землю [19, с. 854]. Эти собрания продолжались несколько часов, и обычно в то время, когда шли богослужения в православных храмах [1, с. 264].

Среди молокан имелось три толка: донской, тамбовский и владимирский. Молокане, жившие на Молочных водах, сами себя называли «последователями тамбовского и владимирского толков духовными христианами, последователями донского согласия...» [19, с. 852]. Поселенные в 1822 г. сектанты получили свои названия: тамбовского согласия, потому что главные поселенцы вышли из Тамбовской губернии, владимирского – из Владимирской, донского толка – с Дона. Последователи двух первых толков главным образом были крестьянами, а последователи донского были представлены казаками.

По свидетельству В. Корсакова, по исповеданию веры тамбовский и владимирский толк близко соприкасались и резко отличались от донского, ближе прочих подходившего к православию. Главное отличие донского толка от православия заключалось в несоблюдении постов, непочитании икон и святых, неупотреблении крестного знамения. Наставников (пресвитеров) избирали обществом из числа единомышленников, следуя указанию апостолов. Пресвитеры были обязаны все требы исполнять безвозмездно. Таинство крещения совершали через троекратное погружение в воду. Причащение совершалось в собрании под видом хлеба и вина, причем предварительно устанавливался двухнедельный пост. Елеосвящение, или «помазание маслом», употребляли в случае болезни. К больному собирались пресвитеры и родные, и при чтении Евангелия и пении совершалось помазание. Брак совершался также пресвитером при чтении Евангелия и при наставлениях касательно обязанностей супружеской жизни.

Главное отличие учения тамбовского и владимирского толков заключалось в полном отрицании видимого совершения таинств. Они говорили, что достаточно одной веры, чтобы быть христианином и спастись, и поэтому не совершали никаких обрядов и таинств [19, с. 853–854].

Вероучение молокан во многом определило отношение к ним власти. Социально-правовой статус сектантов в первой половине XIX в. был очень динамичен и напрямую зависел от личности монарха. Так, первые годы царствования Александра I отличались снисходительным отношением к сектантам, особенно к молоканам. Они направляли царю много прошений о даровании им свободы веры, о защите их от притеснений властей и православного духовенства и др. Следует отметить, что многие их просьбы были удовлетворены, в частности несколькими указами сектантам была разрешена полная свобода веры, приняты были меры к «ограждению их от всего, что могло иметь вид насилия над их религиозными убеждениями» [2, с. 19–20]. Местному начальству было рекомендовано применять к сектантам только увещание, проявлять доброту и терпимость. В пользу этого утверждения можно привести случай, зафиксированный в архивных документах. Так, в 1820 г. местным властям было подано прошение молокан Гаврила Вахляева и Тараса Азарадина. По их словам, местный священник принуждал их к исполнению церковных обрядов, несмотря на то, что они хотели «молоканскую веру по гроб содержать». Вице-губернатор предписал Днепровскому

нижнему земскому суду объявить священнику, что «всеобщая терпимость многими Высочайшими повелениями подтверждена и лишает его права употреблять противу их иные меры, кроме убеждений, которые одни только сильны против заблуждения» [6, л. 1, 26].

В ответ на отношение царя молокане выражали свои верноподданнические чувства. В их обрядниках даже появились особые молитвы за царя и за весь царствующий дом [19, с. 854].

Современники отмечают, что молокане, несмотря на лояльное отношение Александра I, были ограничены в правах по сравнению с меннонитами, им не предоставлялись их привилегии [25, с. 296]. Отмечались трудности при получении разрешения отлучиться по каким-нибудь делам из места своего жительства в другую губернию, на получение позволения иногда уходило несколько месяцев ожидания [27, с. 295].

Таким образом, лояльная политика Александра в отношении молокан с течением времени менялась, что выразилось в постепенном ограничении прав сектантов. При Николае I этот процесс еще более усугубился.

В 1842 г. молокане, наряду с духоборцами, были причислены к «вреднейшим сектам», отвергавшим богоучрежденность верховной власти и повиновение «поставляемым ею начальствам» [3, с. 419]. Было обращено внимание на попытки молокан привлечь в свою секту православных, а также на некоторые их противоправные действия. Например, молокан Таврической губернии обвиняли в чеканке фальшивых монет [25, с. 309], уклонении от воинской повинности, укрывании военных дезертиров, беглых крестьян и преступников [3, с. 419]. За эти действия наказывали кнутом, отправляли в Сибирь или в сумасшедшие дома [25, с. 309].

Тем не менее, государство осознавало экономическую выгоду, которую приносили молокане своей деятельностью, в частности, в Таврической губернии. Местным властям предписывалось не притеснять молокан в хозяйственных занятиях, а внимательно следить за тем, что последние не имели сообщения с православными, а главное – не привлекали к себе православных [16, л. 1].

В целом, молокане при Николае I все же существенно ограничивались в правах, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, с 1836 г. молоканам не разрешалось иметь у себя в работниках и в своих домах людей православного исповедания; самим им не разрешалось жить в домах у православных; а также запрещалось выдавать молоканам паспорта для отлучки в другие места. Вскоре также молоканам было запрещено иметь православных на фабриках и других заведениях, ими содержимых [14, л. 5].

В 1837 г. вышло царское повеление о необходимости принятия некоторых новых мер в отношении молокан, «кои уменьшали бы значительность членов сей секты в обществе и влияние их на других и таким образом отнимали способы прельщения и привлечения в секту» [14, л. 2]. Этими мерами молоканам запрещалось собираться где-либо для богослужений; за публичную проповедь своего учения, а также за совращение православных молокан предписывалось

судить как распространителей секты. К таковым предписывалось применять увещание к обращению, обратившихся к церкви молокан требовалось прощать за их незаконные действия, а необратившихся – изолировать от общества, в котором они оказались вредными. Местной власти также предписывалось покровительствовать православному члену молоканского семейства или обратившемуся в православие из молоканства и защищать от притеснений со стороны неправославных членов семейства [14, л. 2, 5].

Вместе с запретом на публичные проповеди и молитвы, молоканам не выдавали письменные виды на отлучки в другие места для заработков [5, л. 2–3 об.].

Также молоканам запрещалось нанимать желающих для поступления за их семейства в рекруты из магометан, как это было на некоторое время разрешено духоборцам. Поставка рекрутов была самой тягостной повинностью, поэтому молокане ее всячески избегали. В 1838 г. было разрешено только один раз принять от молокан Мелитопольского уезда 5 рекрутов из татар, далее эти условия ужесточились [7, л. 29, 38, 62, 86].

Кроме того, интерес представляет циркуляр министра внутренних дел от 21 ноября 1835 г., сообщавший о возможности в некоторых случаях крестить оставшихся без призрения малолетних детей молокан, наставляя таким образом «их к познанию веры и наблюдать за ними, чтобы они исполняли христианские обязанности» [11, л. 1].

В 1838 г. в отношении молокан Таврической губернии была проведена «ревизия», результатом которой стали следующие меры: необходимо было выявить тех из них, кто готов принять православие, и принять их под особое попечение с целью сближения с православной церковью; тех же, кто был упорен в своем заблуждении, нужно было переселить в другие молоканские селения [4, л. 33–38].

Таким образом, в правовом положении молокан четко прослеживается тенденция на постепенное ограничение их положения. Результатом этих действий стало стремление молокан переселиться на новые территории, где они получили бы больше прав и привилегий. Так, 1830-1840-е гг. характеризуются частыми случаями массового выселения молокан из Таврической губернии.

В целом, в губернии к этому времени проживало достаточно много молокан. В 1833 г. в Нововасильевке, Астраханке и Новоспасском проживало 3000 сектантов [3, с. 419]. К концу 1830-х гг. среди молокан Таврической губернии наиболее многочисленными были тамбовские, они составляли более 2 тыс. человек. Владимирских молокан насчитывалось чуть меньше 500, а донских было всего 30 человек. Кроме того, имелись еще духоборствующие молоканы, выходцы из Орловской губернии, их было 7 семейств [4, л. 41–42].

Начиная с 1830-х гг. многие молокане выселялись из Таврической губернии, преимущественно в Закавказье. Эти события, как и последующие массовые переселения молокан в начале 1840-х гг., подтверждаются архивными документами.

Наиболее ранние попытки массового переселения молокан относятся к 1833 г. Для переселенцев планировалось выделить свободные участки земель, для чего им было разрешено отправить поверенных для осмотра назначенных для переселенцев

земель, которые впоследствии подтвердили желание переселиться. Так, в Астраханке и Новоалексеевке выразили желание переселиться 1082 человека. Но позднее некоторые молокане отказались от переселения, решив, что земли, отведенные для их поселения, неудобны, а когда им было предложено выбрать другие земли, они решительно отказались, заявив, что по образу их жизни не могут жить с коренными жителями. Многих общество отказалось уволить ввиду их рекрутской очереди. Однако вскоре ряды переселенцев пополнились, и желание переселиться выразило 533 человека, из них в Нововасильевке – 230 и в Астраханке – 303. Однако разрешено было отправиться только до 250 человек в одной партии. Многие из переселенцев выразили намерение отправиться в Закавказье весной. Но кавказские власти рекомендовали к концу марта уже закончить переселение. В итоге переселение первых 250 человек было решено начать весной 1833 г. Местному начальству предписывалось выдать им соответствующие билеты. Требовалось проследить, чтобы переселенцы заплатили за 1833 г. все налоги, продали свое имущество, и, «снабдив себя по возможности всеми нужными в пути потребностями в достаточном количестве и отправились необходимыми партиями от 50 до 60 и 70 обоого пола и возраста наличных душ через две недели одна после другой» [10, л. 1–19, 24].

Согласно правилам 1831 г., переселенцам необходимо было оказывать содействие. Окончательно из жителей Нововасильевки и Астраханки такое желание изъявили всего 232 человека. Однако переселение было приостановлено до 1834 г., причиной чему был неурожай хлеба в Кавказских областях, что отразилось бы на положении переселенцев. Но еще до объявления приостановления переселения, в апреле-мае за Кавказ отправилось около 150 человек. Многие молокане, несмотря на неблагоприятные условия, просили разрешить им переселиться, так как они уже продали все имущество и «терпели крайнее разорение». Но разрешения на это они так и не получили [10, л. 30–33, 35, 45–54, 59–64, 71–73].

Переселение молокан возобновилось в первой половине 1840-х гг. Так, в мае 1844 г. из Таврической губернии в Закавказский край тремя партиями отправилось 370 человек [12, л. 16–18, 22–23, 30–31]. Первая партия выступила 21 мая 1844 г., вторая – 1 июня, третья – 6 июня [12, л. 27].

В 1848 г. еще шести молоканским семействам села Астраханки Бердянского уезда Таврической губернии в числе 24 мужчин и 22 женщин было разрешено переселиться в Закавказский край. Но в итоге молокане не переселились, так как одни передумали и просили оставить их на месте, а другим по состоянию их на рекрутской очереди в переселении было отказано [13, л. 1–16].

Таким образом, можно сделать вывод, что молокане сыграли значительную роль в истории Таврической губернии. Во времена правления Александра I для молокан, как и других православных сект, наступило время лояльного отношения и терпимости. В первой четверти XIX в. на территории северной части Таврической губернии были основаны компактные поселения молокан, насчитывавшие в период своего расцвета несколько тысяч человек. Они внесли заметный вклад в социально-экономическое развитие региона. Однако уже во времена Николая I политика в

отношении сектантов значительно ужесточилась, что отразилось на правовом статусе молокан, в том числе и проживавших на территории Таврической губернии. Результатом этого стало выселение части молоканской общины, не согласившейся принять православие, за Кавказ и прекращение их активной деятельности в Таврической губернии.

Список использованных источников и литературы

1. Булгаков С. В. Православие: ереси, секты, западные вероисповедания: Соборы. – М.: б.и., 1912. – 373 с.
Bulgakov S. V. Pravoslavie: eresi, sekty, zapadnye veroispovedaniya: Sobory. – M.: b.i., 1912. – 373 s.
2. Высотский А. К вопросу о положении молокан в царствование императора Александра I // ИТУАК. – № 32-33. – С. 18-46.
Vysotskii A. K voprosu o polozhenii molokan v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I // ITUAK. – № 32-33. – С. 18-46.
3. Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия. – Псков: Типография губернского правления, 1887. – 520 с.
Germogen, episkop Pskovskii i Porkhovskii, byvshii Tavrisheskii i Simferopol'skii. Tavrisheskaya eparkhiya. – Pskov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1887. – 520 s.
4. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф. 1. – Оп. 200. – Д. 52. – 128 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti (GAOO). – F. 1. – Op. 200. – D. 52. – 128 l.
5. ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 200. – Д. 91. – 3 л.
GAOO. – F. 1. – Op. 200. – D. 91. – 3 l.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 4908. – 33 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK). – F. 26. – Op. 1. – D. 4908. – 33 l.
7. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 6789. – 96 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 6789. – 96 l.
8. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 7856. – 3 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 7856. – 3 l.
9. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 9711. – 4 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 9711. – 4 l.
10. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 9830. – 82 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 9830. – 82 l.
11. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 605. – 1 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 605. – 1 l.
12. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 975. – 32 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 975. – 32 l.
13. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 1117. – 18 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 1117. – 18 l.
14. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 5. – Д. 8. – 6 л.
GARK. – F. 26. – Op. 5. – D. 8. – 6 l.
15. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 1707. – 9 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 1707. – 9 l.
16. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 2169. – 9 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 2169. – 9 l.
17. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 3046. – 4 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 3046. – 4 l.
18. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. – 348 с.
Klibanov A. I. Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii. – M.: Nauka, 1965. – 348 s.
19. Корсаков В. Молокане: из заметок земского врача // Русский вестник. – 1880. – № 2. – С. 739–885.
Korsakov V. Molokane: iz zametok zemskogo vracha // Russkii vestnik. – 1880. – № 2. – S. 739–885.

20. Малахова И. А. Духовные христиане. – М.: Политиздат, 1970. – 128 с.
Malakhova I. A. Dukhovnye khristiane. – M.: Politizdat, 1970. – 128 s.
21. Родионов М. Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии...: Общий и частный обзор. – Симферополь: б.и., 1872. – 269 с.
Rodionov M. Statistiko-khronologicheskoe opisaniye Tavricheskoi eparkhii...: Obshchii i chastnyi obzor. – Simferopol': b.i., 1872. – 269 s.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 797. – Оп. 2. – Д. 8911. – 1 л.
Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). – F. 797. – Op. 2. – D. 8911. – 1 l.
23. РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 289. – Л. 219-220.
RGIA. – F. 1263. – Op. 1. – D. 289. – L. 219-220.
24. Сектанство и старообрядничество в первой половине XIX века / Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. Т. 1. О религии, религиозном сектанстве и церкви. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – С. 265–307.
Sektantstvo i staroobryadnichestvo v pervoi polovine XIX veka / Bonch-Bruevich V. D. Izbrannyye sochineniya. T. 1. O religii, religioznom sektantstve i tserkvi. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. – S. 265–307.
25. Стоялов А. И. Несколько слов о молоканах в Таврических степях // Отечественные записки. – 1870. – № 6. – С. 295–314.
Stoyalov A.I. Neskol'ko slov o molokanakh v Tavricheskikh stepyakh // Otechestvennyye zapiski. – 1870. – № 6. – S. 295–314.
26. Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. – М.: Издательство политической литературы, 1965. – 359 с.
Fedorenko F. Sekty, ikh vera i dela. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965. – 359 s.
27. Филиберт А. Предисловие к статье «Несколько слов о молоканах в Таврической губернии» // Отечественные записки. – 1870. – № 6. – С. 292–295.
Filibert A. Predislovie k stat'e «Neskol'ko slov o molokanakh v Tavricheskoi gubernii» // Otechestvennyye zapiski. – 1870. – № 6. – S. 292–295.

Ivleva Ya. A. The Molokan sect in the taurian province in the first half of the xix century

Based on the analysis of archival sources and literature, a comprehensive study of one of the oldest Russian sects – the Molokan sect – in Taurian province is carried out. Its origin and etymology of the name are studied, the most probable interpretations of the sect's name are given, its emergence in Taurian province is revealed, the activity of its leaders and the geography of its spread are described. The basics of doctrine in the context of different currents and interpretations are presented, the attitude to the official authorities of the Russian Empire is revealed. The social and legal status of Molokans is described on the example of the main restrictive measures taken against the Molokans of the Taurian province, the government policy towards them is analyzed, the main occupations and everyday life are described. Migration processes in the sectarian environment are considered, statistical data are presented. The reasons and order of resettlement of Taurian Molokans to Transcaucasia in the middle of XIX century are described.

Keywords: sect, Orthodoxy, the Molokans, Russian Empire, Taurian province.